

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ВЕРХУШКИ В 1770–1780-е годы

© 2022 г. А. В. Венков^{а,*}, Г. Г. Матишов^{а,**}

^аЮжный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

*E-mail: andrey_venk@rambler.ru

**E-mail: matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru

Поступила в редакцию 16.05.2022 г.

После доработки 01.06.2022 г.

Принята к публикации 20.07.2022 г.

К 70–80-м годам XVIII в. донская казачья верхушка оформилась в сплочённую социальную группу, которая в то время претерпевала изменения под влиянием мер, предпринимаемых руководством Российской империи. У российской аристократии она заимствовала ряд практик, связанных с карьерным ростом, внедряла и собственные, способствовавшие формированию регионального нобилитета. Центральная власть стремилась подчинить донскую верхушку своему безоговорочному влиянию путём резкого увеличения её численности, прививала у неё стремление к получению имперских армейских чинов, демонстрируя при этом, что наряду и даже выше воинской доблести ценит преданность престолу. В исследуемый период критерием лояльности казачьей верхушки стало её участие не во внешних войнах, а в подавлении восстания Е.И. Пугачёва.

Ключевые слова: казачья верхушка, старшины, служба, армейские чины, кровнородственные связи.

DOI: 10.31857/S0869587322120088

Особенностям взаимоотношений донского казачества и российского государства на протяжении XVI – начала XVIII вв. посвящено большое количество научных работ, но наиболее обстоятельно, с опорой на труды предшественников, эта тема изучалась Н.А. Мининковым [1], О.Ю. Куцем [2, 3] и С.И. Рябовым [4]. Н.А. Мининков отмечает, что донская казачья верхушка более чем

какая-либо другая часть казачества, была связана с царской властью [1, с. 468]. О.Ю. Куц считает, что “тесное сотрудничество донских казаков, и прежде всего казачьего войска с Москвой, во многом нехарактерное для более раннего времени”, относится к эпохе Азовского сидения (1637–1642) и далее к 1640-м годам, когда казаки понесли большие потери в боях с турками [3, с. 571]. С.И. Рябов пришёл к выводу, что к 70-м годам XVII в. сформировалась домовитая промосковски настроенная прослойка [3, с. 38], а в первой четверти XVIII в., при Петре I, атаманско-старшинская верхушка “сосредоточила в своих руках значительные богатства и имела огромное влияние на основную массу казачества” [4, с. 82].

А.П. Пронштейн, автор фундаментального труда “Земля Донская в XVIII веке”, написанного со строго классовых позиций и изданного в 1961 г., назвал власть на Дону “олигархическим правлением” [5, с. 228]. Он считал, что с начала XVIII в. казачья верхушка “даже в очень важных случаях принимала решения за всё Войско без санкции Круга” [5, с. 231].

Г.Г. Небрятенко полагает, что “в течение XVIII в. была модернизирована вся система традиционных институтов казачества. Отныне власть на Дону

ВЕНКОВ Андрей Вадимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории казачества ЮНЦ РАН. МАТИШОВ Геннадий Григорьевич – академик РАН, научный руководитель ЮНЦ РАН.

перестала быть потестарной¹ и приобрела публичную форму с «оттиском» традиционной легитимности» [6, с. 47]. Этот же автор указывает, что ещё в первой половине XVII в. в результате возникновения пожизненного старшинства это «войсковое старшинство выделилось в самостоятельный обычно-правовой институт» [7, с. 49]. Личности донских атаманов и их ближайшего окружения, составлявшего как раз это войсковое старшинство, вызывали интерес многих исследователей.

В.М. Безотосный проанализировал состав донского генералитета в 1812 г. [8]. Были описаны служба, взаимоотношения, происхождение. Давая беглый обзор становления донского генералитета, автор указывает, что к концу XVIII столетия на Дону окончательно выкристаллизовался полностью монополизировавший все сферы власти узкий слой старшины (30–40 родов). «Это была численно небольшая, но очень сплочённая социальная группа» [8, с. 20]. А.И. Сапожников, описывая командный состав донцов в 1812 г., отмечает: «Не вдаваясь в генеалогические подробности родственных связей между полковыми командирами, носившими разные фамилии, замечу только, что верхушка Войска Донского была просто пронизана ими. Войсковой атаман видел в этом положительную сторону...» [9, с. 56].

Исследуемая тема тесно связана с процессом появления донского дворянства. Непосредственно время его возникновения традиционно относилось к 1798 г. Исследователи опирались на повеление Павла I «положившее начало донскому дворянству» [10, с. 143]. Однако А.С. Мельников уточняет: «В самом конце XVIII в. в основном завершился процесс превращения донской старшины в военно-служилое дворянство» [11, с. 12]. То есть процесс длился как раз в исследуемый нами период – 70–80-е годы XVIII в.

Что касается властных структур и лиц, осуществлявших властные полномочия во второй половине XVIII в., этот вопрос изучен далеко не полностью. Цель данной статьи – выяснить, что представляла собой «донская старшина», как менялась её внутренняя иерархия в период, отмеченный сильнейшими общественными и политическими потрясениями, одно из которых – крестьянская война под руководством Е.И. Пугачёва. В качестве источника нами использовались хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) списки донских старшин с описанием их службы.

¹ Потестарность – форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших политических и государственных институтов и атрибутов, а также в обществах с преобладанием силовых, неправовых публично-властных институтов. (Прим. ред.)

В 1740-е годы на Дону был создан новый вариант местного правительства – Войсковая канцелярия дел старшин. Она состояла из атамана, двух войсковых есаулов, войскового дьяка, толмача и «наличных» войсковых старшин. С 1754 г. велись гражданское, военное, уголовное производства. Привлекались к исполнению соответствующих служебных обязанностей не все старшины, а по повесткам атамана [6, с. 50]. Однако войсковая канцелярия в целом (по образцу 1740–1755 гг.) являла собой «совещательный, исполнительный и судебный орган, состоявший из всех старшин Войска Донского» [6, с. 82].

В 1768 г. в Войске числились войсковой атаман, 51 старшина, 10 есаулов войсковых и 2 походных, 3 войсковых толмача, 18 600 казаков [12, с. 173]. «Звание старшины было пожизненным, без права передачи его потомству, – отмечает Г.Г. Небрятенко. – Войсковой Круг, возводя в это звание за личные заслуги, имел право и лишить его за дурное поведение и преступления против войска» [6, с. 49].

Некоторые представители казачьей верхушки, особо отличившиеся во время военных кампаний, имели армейские чины: атаман Данила Ефремов в 1753 г. был произведён в генерал-майоры, Иван Краснощёков в 1738 г. – в бригадиры [13, с. 170]. Донских казаков, командующих казачьими полками, называли «донскими полковниками», и с 1775 г. было положено «в уважение их службы, считать за уряд младшими пред армейскими секунд-майорами, но выше капитана» [14, с. 19]. Из-за этого, в случае присвоения донскому полковнику русского армейского чина (обычно – премьер-майорского), на Дону бытовала насмешливая фраза: «Нашего полковника в майоры произвели».

В 1770-е годы на взаимоотношения центральной власти с донскими казаками сильнейшее влияние оказали два события – мятеж атамана Степана Ефремова и крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачёва. Крестьянской войне посвящено несколько фундаментальных исследований, а что касается мятежа Степана Ефремова, то мы здесь ограничимся оценкой А.И. Ригельмана, что Ефремов «возгордел уже своим состоянием и возмечтал о себе выше меры, не стал, наконец, повиноваться многим Указам, даже и насылаемым к нему грамотам», за что был арестован, осуждён и сослан [12, с. 161, 162]. В Войско был временно назначен новый атаман, Семён Сулин, и произошла смена формы правления.

С 1775 г. Войско Донское находилось в непосредственном подчинении Г.А. Потёмкина, который был назначен генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. Донцы, поскольку они не поддержали Пугачёва,

были у власти в фаворе. Тем не менее переписку с её представителями они вели в льстивейших выражениях, подчёркивали “истинную всеподданческую верность и усердие войска Донского за Высочайше оказанное высокоmaterнее Ея Императорского Величества благоволение”, а получая “к неожиданному счастью” письма от Потёмкина, не уставали прославлять “милостивое и великодушное вашего превосходительства отеческое о нас попечение и ходатайство” [15, с. 22, 25].

На Дону было создано Гражданское правительство, состоявшее из атамана и шести войсковых старшин: двух непрременных (пожизненных) и четырёх погодных. Двух пожизненных (Амвросия Луковкина и Дмитрия Мартынова) в правительство назначил Г.А. Потёмкин. Погодные старшины избирались большинством голосов на общем собрании войсковых старшин в конце апреля каждого года [6, с. 67], утверждались указом Сената и приводились к присяге 1 мая. По результатам первых выборов Войско доверило власть Ефиму Кутейникову, Ивану Янову, Дмитрию Иловайскому и Василию Манькову. Донским атаманом поставили Алексея Ивановича Иловайского, отличившегося тем, что лично схватил Пугачёва. “Наградою за этот поход Иловайскому был чин армейского полковника и назначение наказным атаманом (15 февраля 1775 г.)” [10, с. 64].

И Иловайскому, и правительству Потёмкин назначил жалование: атаману выплачивалось 5 тыс. рублей в год (1 тыс. жалования и 4 тыс. “столовых”), членам правительства меньше. Правительство отныне руководствовалось не донским обычаем, а российскими законами, при этом ранее полученные Войском привилегии сохранялись. Вынужденная необходимость соблюдения общероссийских законов, регулировавших жизнь зачастую вопреки донскому обычаю, во многом компенсировалась родственными связями и кумовством в верхах Войска. Донская старшина по-прежнему оказывала большое влияние на войсковые дела.

Войсковой атаман назначал двух есаулов, войскового дьяка, двух дьяков и шестерых писарей. Правительству подчинялись войсковой толмач, войсковой базарный и войсковые смотрители, которые выбирались на Круге. Так же выбирались и комиссары, следившие за почтовой службой, расквартированием русских войск и продовольственным снабжением [6, с. 68].

Рассмотрим список 1776 г., состоящий из 93 имён, получивших старшинство с 1737 по 1775 г. [16, лл. 124–186]. Список выстроен строго по времени получения старшинства. У фигурантов указаны имя, отчество, фамилия, возраст, происхождение, время поступления на службу, производства в очередной чин. Из 93 человек 14 не указали свой возраст, 11 – время поступления на службу, 1 –

происхождение. Таким образом, информацией, доступной в максимальной степени (наряду со временем производства в старшины), оказалось происхождение. Единственный, кто его не указал, это Пётр Ларионович Савостьянов (№ 14 в списке), произведённый в старшины в 1761 г. Кстати, в списке не упомянут ни его возраст, ни время поступления на службу. О ней сказано коротко: “От него за состоянием его в Польше о службе рапорта и аттестатов не отобрано”. Есть информация о пребывании “в штрафах”: “В 767 (так в тексте – *авт.*) году по указу государственной военной коллегии за взятки на четыре месяца написан был в рядовые казаки”. Указано место службы: “По командировании с 769 года в Первую армию ныне находится с полком в Польше” [16, л. 141]. Дальнейшие изыскания показали, что в “Списке именном о служивых Войска Донского старшинах” за 1777 г. под № 14 значится Пётр Ларионович Саврасов, произведённый в старшины в 1761 г. и в своё время разжалованный на 4 месяца, но в этом списке его фамилия зачёркнута и сверху присутствует пометка “в отставке” [16, л. 228 об.]. Последующие исследования показали, что Петр Ларионович Савостьянов и Петр Ларионович Саврасов – одно лицо. Просто в одном из вариантов Петр Ларионович записан не под своим родовым прозвищем (Саврасов), а “по деду” – Савостьяну.

Подобная ситуация отчасти повторяется с Матвеем Ивановичем Платовым² в послужных списках за 1776 г. Возраст и время поступления на службу не указаны, а о самой службе сказано: “На посланный к нему воинский приказ о подаче с прописанием его службы рапорта поданным рапортом представил, что он о том подал от себя рапорт его сиятельству господину генерал-аншефу и разных орденов кавалеру графу Григорию Александровичу Потёмкину”. Указано, что “в штрафах и пороках не бывал”, место службы – “с двусотной командой в Воронежской губернии” [16, л. 173].

Что касается происхождения донских старшин, то “из старшинских детей” в списке 59 человек, один (Алексей Данилович Краснощёков) “из генерал-майорских детей”, 28 “из казачьих детей”, по одному “из чеченцев”, “из польского шляхетства”, “из поповских детей”, а ещё один – “уроженец Пруссии в местечке Раинеге докторский сын”. Как видим, старшинские дети в этом списке (включая А. Краснощёкова) составляют

² Платов Матвей Иванович (1751–1818) – российский генерал от кавалерии (1809), граф (1812). Сподвижник А.В. Суворова. С 1801 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. В Отечественную войну 1812 г. и в заграничном походе 1813–1814 гг. успешно командовал донским казачьим корпусом. (*Прим. ред.*)

65.2%, казацьки – 30.4%, “иностранцы” – 3.2% и чуть более 1% приходится на поповских детей.

Выходцы из старшинских детей, согласно списку, получают старшинские чины, начиная с 1749 г., и без заметных перерывов до 1775-го. Выходцы из казачьих детей – в 1737, 1740, 1741, 1758, 1762, 1764, 1768 (по 1 производству в год), в 1770–1772 (по 4), 1773 (5), 1774 (3), 1775. Из списка 1776 г. следует, что 24 из 28 казачьих детей стали старшинами в годы войн с Турцией и Пруссией. Чеченец, польский шляхтич и поповский сын старшинство получили в мирное время – 1763, 1764 гг. Выходец из Пруссии – во время войны с турками, в 1772 г.

Средний возраст достижения старшинского чина для казачьих детей – 32.3 г. Казачий сын Иван Исаев стал старшиной в 23 года. Довольно критически настроенный к казакам (к тому же М.И. Платову) генерал А.Ф. Ланжерон тем не менее писал, что Исаев, будучи генералом, “принимал самые деятельные и разумные меры” и “выказал столько же предприимчивости, сколько ума во всех своих действиях и походах” [17, с. 208]. Чеченец и поповский сын стали старшинами в 36 лет, польский шляхтич в 37, докторский сын из Пруссии в 22 года.

Средний возраст достижения старшинского чина для старшинских детей – 30 лет, хотя старейший по возрасту старшина Михаил Барабанщиков, 1695 г. рождения, получил этот чин в 63 года [16, л. 131 об.]. Но в целом наблюдалась другая тенденция. Генерал-майорский сын Алексей Краснощёков получил старшинский чин в 11 лет, в день поступления на службу 16 октября 1765 г. [16, л. 151]. Далее мы видим целую группу донской молодёжи, получившей старшинские чины в молодом возрасте, в год и день поступления на службу. Именно в день поступления на службу в 1756 г. получил звание старшины двадцатилетний Михаил Себряков; Данила Краснощёков – в 23 года, 31 января 1760 г.; Григорий Денисов – в 17 лет, 15 декабря 1764 г.; Михаил Денисов – в 15 лет, 15 декабря 1764 г.; Аксён Денисов – в 17 лет, 28 марта 1773 г.; Осип Паздеев – в 21 год, в 1775 г.

Другая группа старшин действовала не так демонстративно. Детей записывали на службу в подростковом возрасте, а через несколько лет давали им старшинские чины: Алексей Пушкарёв на службу поступил в 17 лет (1768 г.), чин старшины получил в 18 (1769 г.); Григорий Паздеев на службе с 16 лет (1766 г.), чин старшины получил в 19 лет (1769 г.); Дмитрий Паздеев на службе с 15 лет (1767 г.), чин старшины – в 19 лет (1771 г.); Дмитрий Сарычев на службе с 17 лет (1767 г.), чин старшины – в 20 лет (1770 г.); Иван Меньшой Дячкин на службе с 16 лет (1769 г.), чин старшины – в 18 лет (1771 г.); Кондрат Денисов волонте-

ром в полку отца с 14 лет (1767 г.), официально на службе с 17 лет (1770 г.), чин старшины получил в 18 лет (1771 г.); Константин Сулин на службе с 17 лет (1767 г.), старшинский чин – в 21 год (1771 г.); Алексей Ребриков на службе с 16 лет (1767 г.), чин старшины – в 20 лет (1771 г.); Андрей Сулин на службе с 16 лет (1772 г.), чин старшины – в 18 лет (1774 г.); Иван Каршин на службе с 16 лет (1768 г.), а старшиной стал в 22 года (1774 г.). Возрастной рекорд побил Андрей Мартынов, поступивший на службу в 12 лет (1771 г.) и ставший донским старшиной в 15 лет (1774 г.). Матвей Платов поступил на службу в 16 лет (1769 г.), был направлен ординарцем к командующему 2-й армией князю В.М. Долгорукову, и тот произвёл Платова в донские старшины в 18-летнем возрасте (26 февраля 1772 г.).

Возраст поступления на службу в Войско чётко определён не был. По имеющимся данным, средний возраст казачьих детей, достигших старшинского чина, при поступлении на службу составлял 17.5 года. Из них Амвросий Луковкин и Иван Кумшацкий пошли служить в 13 лет, а Иван Бузин стал в строй лишь в 25 лет. Средний возраст поступления на службу старшинских детей – 16.3 года. Войско Донское применяет у себя сложившуюся в России практику зачисления на службу детей элиты в самом раннем возрасте (ситуация эта знакома нам со школьной скамьи по повести А.С. Пушкина “Капитанская дочка”).

Сравним рассмотренный нами список с другим документом под заглавием “Список именной о служилых Войска Донского старшинам на 1778 год” [16, лл. 356–416]. На первой странице отмечено “К его светлости князю Григорию Александровичу Потёмкину от Войсковой канцелярии рапорт... Во исполнение Вашей светлости приказа сочинённый на сей 1778 год Войска Донского служилым старшинам послужной список Вашей светлости Войсковой канцелярии при сём нижайше представляет. Генваря дня 1778 год. Черкасск” [16, л. 356].

С 1776 г. список немного изменился: количество старшин увеличилось до 102-х, из прежнего списка несколько человек убыли. Один из них, премьер-майор Михаил Денисов, 28 лет, умер, видимо, в дни составления списка, поскольку его фамилия вычеркнута и нумерация стоящих за ним старшин изменена. Алексей Краснощёков, записанный ранее “из генерал-майорских детей”, уравнивается с другими представителями донской “золотой молодёжи” и пишется “из старшинских детей” [16, л. 374]. Из записи о Матвее Платове следует, что рапорт о службе он подал самому Потёмкину, но числится “при Войске” [16, л. 400] и мог бы прислать в войсковую канцелярию хотя бы копию рапорта.

В 1776 и 1777 гг. в старшины записаны 13 человек. Из них 11 из старшинских детей и 2 из казацких. Из старшинских детей Иван Барабанщиков получил этот чин в 44 года (его отец — в 63 года). Иван Дячкин Большой (1752 г. рождения) стал старшиной в 24 года, но на службу поступил, если верить документу, в 2 года, в 1754-м [16, л. 414 об.]. Павел Краснощёков (1757 г. рождения) “за службу не произведён, а произведён (неразборчиво — *авт.*) во уважение предков его служб” [15, л. 416]. Как видим, в Войске сложилась практика давать командные должности без предварительной службы — “по заслугам предков”. Такого в те времена не позволяла себе даже высшая русская аристократия. Произведённые в старшины из казацких детей Михаил Давыдов и Алексей Стрюков находятся с полками в Кизляре и в Саратове. Произведённые из старшинских детей стоят с полками в Воронежской губернии и в Санкт-Петербурге, пожилой Барабанщиков — в Кизляре, а Дячкин Большой занимает пост войскового “базарного” (контролирующего торговлю).

Чтобы оценить ситуацию в развитии просмотрим “Список именной господам Войска Донского служилым старшинам”, доведённый до 1779 г. В списке 112 имён, записанных по мере производства в старшины, по годам. В этом списке нет Войскового атамана Алексея Иловайского, произведённого в старшины в 1764 г., поскольку он теперь имел более высокий статус. Отсутствуют Андрей Вуколов, Козьма Греков. А.В. Вуколов, как выясняется, без вести пропал за Кубанью в 1778 г. [18, с. 28]. За 1778–1779 гг. в старшины записаны 13 человек. Один из них, Фёдор Табунщиков, прямо в списке помечен “умре” [16, л. 298].

Налицо стремление власти увеличить количество старшин. В 1768 г., как упоминалось, в Войске 51 старшина. За 11 лет их количество более чем удваивается — доводится до 112. Из них 24 произведены в старшины в течение 30 лет (с 1737 по 1767 г.), до Первой русско-турецкой войны, 56 — во время войны, в 1768–1774 гг., и 33 после войны, в 1775–1779 гг. [16, л. 294–298]. Усиливая контроль над донской верхушкой, центральное правительство увеличивает количество причастных к ней лиц. (Так действовали ещё римские цезари: если хотели ослабить римский Сенат, удваивали количество сенаторов. Чем больше количество людей, облечённых властью, тем труднее им договориться.)

В списке присутствуют несколько династий, родов, имеющих среди старшин несколько своих представителей. Больше всего Грековых — 11 (фактически 10% всех старшин), Денисовых — 8, Сулиных — 5, Паздеевых — 4, по 3 представителя от кланов Барабанщиковых, Краснощёковых, Яновых, Мартыновых, Дячкиных, Каршиных, Иловайских (если учесть и самого атамана Алек-

сея Иловайского). В списке трое Поповых, но они не принадлежат к какому-либо клану. Это поповский и старшинский сыновья, польский шляхтич.

Судя по исследованной переписке, Г.А. Потёмкин привлёк к службе в Войсковом гражданском правительстве казаков, относящихся друг к другу неприязненно. Видно, что он стремился “разбавить” сложившуюся верхушку новыми людьми. Верхушка была связана родственными узами. Так, Иван Янов, войсковой дьяк, приходился двоюродным братом атаману Алексею Иловайскому. Но кланы нередко враждовали между собой, поэтому Иловайский в самых льстивых выражениях объяснял Потёмкину, что его, Иловайского, двоюродный брат Иван Янов Большой, “упражнявшись в должности войскового дьяка”, имеет “пред многими яснейшее о законах понятие”, однако на должность войскового неперменного судьи уже назначен Дмитрий Мартынов, а Янов и Мартынов “дружелюбно жить и должность свою надлежащим образом без вражды править, по известности мне их нравов, совершенно не могут, да и привести их в согласие я не надеюсь”. Вследствие сего Иловайский просил назначить в неперменные судьи Амвросия Луковкина “по его добронравию и по сведению канцелярских обрядов и законного права”, а Мартынову, который “человек не весьма спокойный”, “милостиво подтвердить, чтоб прежде бывшие раздоры предать забвению и жить в дружелюбном согласии, наблюдая долг присяги и общенародную пользу” [15, с. 24, 25]. Но Потёмкин Мартынова не тронул, как потом злорадно объясняли потомки Мартынова, именно потому, что Мартыновы и Иловайские враждовали “11 колен”.

Интересна роль во всём этом процессе М.И. Платова. Платов, как мы помним, не избран и не назначен Канцелярией, а “написан в донские старшины” князем В.М. Долгоруковым, командующим 2-й армией [19, с. 18]. До мая 1777 г. Платов во главе “двухсотной” команды искоренял остатки пугачёвцев в великорусских губерниях. “Будучи в отпуске, в феврале того же года, он женился на дочери опального атамана С. Ефремова. В этом браке просматривается всё та же кадровая политика. Детей опального атамана переженили на детях казаков и старшин, проявивших преданность престолу. Ефремова заставили породниться с Иловайскими, Платовыми, Карповыми. Все они были старшинами в первом поколении в отличие от Себряковых, Денисовых, Краснощёковых” [19, с. 18]. В 1783 г. жена Платова умерла, и спустя год он женился на вдове полковника П. Кирсанова, дочери войскового судьи Д. Мартынова. “Фактически Платов переходит из клана в клан, так как родной брат покойного мужа его новой жены Сидор Кирсанов был главным врагом опального атамана Ефремова” [19, с. 18].

Остаётся вопросом, насколько “тепло” он был принят в клане Кирсановых-Мартыновых, поскольку его обособленность и служба как бы лично Потёмкину были видны всем.

С 1780–1781 г. структура старшинской верушки резко меняется. Составленный в это время “Список именной Войска Донского войсковым старшинам, ныне налицо при Войске состоящим” [16, л. 299, 300] насчитывает 68 человек. В него внесены старшины, не находящиеся с полками и командами в походе. Построен он по старшинству российских воинских чинов. Первой стоит фамилия “от армии полковника” Михаила Себрякова, получившего армейский полковничий чин в 1762 г., в Семилетнюю войну. За ним — Илья Денисов, заслуживший такой же чин в 1775 г. Далее идут непреременные судьи Дмитрий Мартынов и Амвросий Луковкин, получившие полковничьи чины в 1777 г. За ними записаны три подполковника (Василий Перфилов, Дмитрий Иловайский и Яков Сулин) и 11 премьер-майоров. Далее следуют просто старшины, их 50, причём начало списка построено по прежнему принципу — по времени производства в старшины. Однако это относится к первым пяти фамилиям, к престарелым ветеранам, одному из которых, Михаилу Барабаншикову, уже за 85. Остальная очередность старшин между собой нуждается в дальнейшем исследовании.

В происхождении старшин наблюдаются определённые изменения: из казачьих детей — 18 (26.4%), из старшинских детей — 48 (70.6%), один польский шляхтич и один из поповских детей. Как видим, количество “потомственных старшин” в этой подборке увеличилось.

Матвей Платов в списке старшин стоит 34-м, в общем списке — 52-м. Против его имени пометка “в Петербурге” [16, л. 300]. Впрочем, известно, что с полком он туда не посылался. Видимо, ездил с рапортом, как “смотрящий” к “куратору”.

Для полноты картины сравним предыдущие списки со списком, составленным в 1787 г. [16, л. 1–34], который выстроен не по времени производства, а “по значению”. Первым в нём упомянут атаман — генерал-поручик А.И. Иловайский, за ним следует генерал-майор Ф.П. Денисов, далее — бригадиры Д. Мартынов и А. Луковкин, 4 полковника (Д. Иловайский, Я. Сулин, В. Орлов, М. Платов), 12 подполковников (Ф. Кутейников, Аф. Попов, В. Маньков, К. Денисов, А. Ребриков, З. Сычёв, В. Янковский, И. Исаев, К. Устинов, И. Бузин, А. Мартынов, Д. Греков). Далее вперемежку идут старшины, не имеющие армейских чинов (их 25), и армейские премьер-майоры (9 человек).

Из казачьих детей 17 (32%), из старшинских 34 (64.1%), из поповских один (Афанасий Попов); из Пруссии также один (В. Янковский). Количе-

ство выходцев из казачьих детей в этой подборке подрастает. Вычеркнуты Осип Данилов (из чеченцев) и Пётр Попов (из польской шляхты). Видимо, разрастающаяся война на Кавказе и недавний раздел Польши ускорили отправку этих старшин в отставку.

И вновь Матвей Иванович Платов рапорта о своей службе в Войско не подаёт, а сообщает, что “подал об себе рапорт Его светлости господину генералу-фельдмаршалу и разных орденов кавалеру князю Григорию Александровичу Потёмкину, после того отбыл с полком на Кавказскую линию” [16, л. 9]. Впрочем, с 52-го места он, став армейским полковником, переместился на 8-е.

Проанализировав списки старшин и содержащуюся в них информацию, мы можем выделить некие “социальные лифты” в рассматриваемый период. Первый и главный — участие в подавлении пугачёвского восстания. Задействованы в этом были далеко не все, поскольку продолжалась война с Турцией. Как уже упоминалось, участием в подавлении бунта и поимкой самого Пугачёва была обеспечена карьера войскового атамана Иловайского. Против “изверга и самозванца” с полторатысячной командой, набранной на Хопре, Медведице и Бузулуке, был послан походным атаманом А. Луковкин (в списке он бригадир и непреременный судья) [16, л. 7]. Против Пугачёва и его сторонников воевали два полковника (Василий Орлов и Матвей Платов) из четырёх, упомянутых в списке, и четыре подполковника (Фёдор Кутейников, Афанасий Попов, Василий Маньков и Карп Денисов) из двенадцати. Причём Фёдор Кутейников попадал к пугачёвцам в плен и “претерпел тиранство” [16, л. 53, 54]. Из девяти премьер-майоров против Пугачёва и его сторонников воевали четверо (Григорий Поздеев, Михаил Денисов, Алексей Краснощёков и Петр Кубанов). Из многочисленных старшин против пугачёвцев дрались 13 (Иван Платов — отец будущего атамана, Илья Денисов, Аким Барабаншиков, Павел Кирсанов, Иван Харитонов, Максим Янов, Пётр Ребриков, Осип Лащилин, Аким Карпов, Афанасий Кутейников, Андрей Вуколов, Михаил и Григорий Денисовы). Потомственные старшины Себряковы, не проявившие себя с лучшей стороны во время пугачёвского восстания, теряют свои позиции и влияние.

Второй “лифт” — принадлежность к населению города Черкаска. Из 117 человек, произведённых в старшины с 1737 по 1779 г. и оставшихся в этом чине, мы видим 73 жителя Черкаска (из них 15 выходцы из казачьих детей). Преимущественно из уроженцев этого города атаманы Данила и Степан Ефремовы создали атаманский полк — “сотную команду”. В 1759 г. Данила Ефремов вместе с чином тайного советника получил право иметь команду из 100 донских ка-

заков, “кого он сам выберет” [13, с. 109]. Сами они называли себя “тайными советниками”. В сотной команде некогда служили атаман Алексей Иловайский, полковник Дмитрий Иловайский, подполковник Фёдор Кутейников, подполковник Василий Маньков, премьер-майоры Степан Леонов и Иван Янов Меньшой, старшины Никита Мартынов, Павел Кирсанов, Афанасий Кутейников, Пётр Ребриков, Иван Селиванов, Аким Карпов, Василий Поздеев, Андрей Вуколов, Иван Горбиков, Иван Платов, Карп Киреев, Василий Агеев, Алексей Макаров (из них семеро последних из казачьих детей). Впрочем, гарантию карьерного роста даёт и принадлежность к “провинциальному” клану Денисовых из станиц Пятизбрянской и Нижне-Чирской.

Третий “лифт” – участие в Петергофском походе, когда бывший с посольством в Санкт-Петербурге Степан Ефремов и его ближайшее окружение присоединились к императрице Екатерине и свергли императора Петра III. В походе участвовали бригадир Дмитрий Мартынов, подполковник Карп Денисов, премьер-майор Иван Янов Меньшой, старшины Иван Янов Большой, Иван Горбиков, Семён Сулин, Михаил Поздеев.

Четвёртый “лифт” для выходцев из казачьих детей – грамотность. В Войсковой канцелярии начинали службу писарями выходцы из казачьих детей бригадир Амвросий Луковкин, подполковник Иван Исаев и старшина Гаврила Колпаков.

* * *

Таким образом, на Дону сложилась мощная верхушка потомственных старшин, но выходцы из рядовых казаков всё ещё составляли в составе старшин чуть ли не треть. Среди старшин предшествовавшего исследуемому периоду встречаются выходцы из священников и “инородцы”. Потомственные старшины копируют нравы, царившие в Центральной России, и зачисляют своих потомков на службу в самом раннем возрасте, некоторые получают старшинские чины “по заслугам предков”. Центральная власть стремится разрушить систему войсковых старшин путём увеличения их числа, начинает выстраивать иерархию не по времени получения чина, а по старшинству русских армейских чинов, делает престижным получение русского армейского чина. Власть в Войске, военная, политическая и судебная, поручается людям, доказавшим на деле свою верность престолу. В рассматриваемый период таким критерием становится участие в подавлении восстания Пугачёва.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнена в рамках темы научно-исследовательских работ по государственному заданию Юж-

ного научного центра РАН, грант № АААА-А20-120122990111-9 и при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 21-09-43097.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1998.
2. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
3. Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: Старая Басманная, 2014.
4. Рябов С.И. Войско Донское и российское самодержавие (1613–1725 гг.). Волгоград: Перемена, ВГПУ, 1993.
5. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1961.
6. Небрятенко Г.Г. Судебно-процессуальные отношения в традиционном обществе донских казаков. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.
7. Небрятенко Г.Г. Обычай вольного казачества (XVI – начало XVIII вв.) Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.
8. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М.: РОССПЭН, 1999.
9. Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012.
10. Савелов Л.М. Донские дворянские роды. Выпуск первый. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнарёва и К°, 1902.
11. Мельников А.С. Правовой статус дворянства в Области Войска Донского: историко-правовое исследование. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
12. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-н/Д.: Кн. изд-во, 1992.
13. Астапенко Е.М. История города Черкаска – станицы Старочеркасской XVI – начала XXI вв. Ростов-н/Д.: ООО Мини Тайп, 2020.
14. Войсковой старшина // Военная энциклопедия. Т. 7. Военская часть – Гимнастика военная. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912.
15. Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического / Воен. учён. ком. Главного штаба. Ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1893–1895. 3 т. (Сб. воен.-ист. материалов; Вып. 6–8). Т. 1. 1774–1788. СПб., 1893.
16. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 40.
17. Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. Т. 135. 1908. С. 159–209.
18. Корягин С.В., Логинов С.Д. Филатовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 105. М.: Русаки, 2012.
19. Венков А.В. Атаман Платов и российская государственная верхушка // Краеведческие записки: Сб. науч. тр. / Музей истории донского казачества. Новочеркасск: Изд-во “НОК”, 2003. С. 17–20.